

УДК 398.32

DOI 10.30914/2072-6783-2023-17-1-128-135

**БАНИК В СОВРЕМЕННОЙ УСТНОЙ НИЖЕГОРОДСКОЙ ТРАДИЦИИ:
МИФОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ОБРАЗА****Ю. М. Шеваренкова***Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация*

Аннотация. Введение. Суеверные персонажи («хозяева» дома и природных локаций) и рассказы о них – классическая тема российской фольклористики, а народные представления о домовом, лешем, русалке, черте составляют важную часть мифологической картины мира традиционного крестьянства. **Цель работы** – обобщение современных суеверных представлений и нарративов о мифологическом хозяине бани (баннике) на основе фольклорных и диалектных данных по Нижегородскому региону. **Материалы и методы.** Теоретической базой статьи послужили исследования современных фольклористов, занимающихся изучением мифологической прозы, практическим материалом исследования стали данные фольклорных экспедиций ННГУ им. Н. И. Лобачевского на территории Нижегородской области. Основные методы исследования – сравнительно-исторический, аналитический, текстологический. Результаты исследования, обсуждения. В процессе анализа и сравнения устных рассказов и несюжетных поверий о баннике второй половины XX в. и первых десятилетий XXI в. выявлены константные и новые признаки образа банника, его диалектные номинации в нижегородской устной традиции. В то же время записи свидетельствуют об утрате персонажем оригинальной номинации, номинативных совмещений с именами другим «нечистых» персонажей, переходе образа банника в категорию детских страшилок, появлении ироничного и скептического отношения к суевериям «стариков» и в целом забывании этого персонажа. В образе банника в настоящее время доминируют признаки фольклорного образа черта (беса) и собирательного образа нечистой силы. **Заключение.** Проведенная работа позволила обозначить сюжетные трансформации рассказов о баннике на позднем этапе существования нижегородской устной мифологической традиции, констатировать потерю персонажем оригинального визуального и функционального облика. Современный фольклорный материал не позволяет выявить локальные различия образа банника.

Ключевые слова: суеверия, устные нарративы, быличка, банник, черт, мифологический персонаж, мифологическая лексика

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шеваренкова Ю. М. Банник в современной устной нижегородской традиции: мифологический и лингвистический аспекты образа // Вестник Марийского государственного университета. 2023. Т. 17. № 1. С. 128–135. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-1-128-135>

**BANNIK IN THE MODERN ORAL TRADITION OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION:
MYTHOLOGICAL AND LINGUISTIC ASPECTS OF THE IMAGE****Yu. M. Shevarenkova***National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

Abstract. Introduction. Superstitious characters (“masters” of the house and natural locations) and stories about them are a classic theme of Russian folklore, and folk ideas about the brownie, mermaid and devil form an important part of the mythological picture of the world of the traditional peasantry. **The purpose of the work** is the generalization of modern superstitious ideas and narratives about the mythological owner of the bathhouse (bannik) on the basis of folklore and dialect data on the Nizhny Novgorod region. **Materials and methods.** The theoretical basis of the article was the research of modern folklorists engaged in the study of mythological prose, the data of folklore expeditions of Lobachevsky University in the Nizhny Novgorod region became the practical material of the study. The main research methods are comparative-historical, analytical, textual. **Research results, discussion.** In the process of analyzing and comparing oral stories and non-narrative beliefs about the bannik of the second half of the 20th century and the first decades of the 21st century, constant and new features of the image of a bannik, its dialectal nominations in the Nizhny Novgorod oral tradition are revealed. At the same time, the records testify to the loss of the original nomination by the character, nominative combinations with the names of other “evil spirits”, the transition of the image of the bannik into the category of children’s scarecrows, the appearance of an ironic and

skeptical attitude towards the superstitions of the “old men” and, in general, forgetting this character. The image of the bannik is currently dominated by the features of the folklore image of the devil (the demon) and the collective image of evil spirits. **Conclusion.** The work carried out made it possible to identify the plot transformations of the stories about the bannik at the late stage of the existence of the Nizhny Novgorod oral mythological tradition, as well as to state the loss of the character’s original visual and functional appearance. Modern folklore material does not allow us to identify local differences in the image of the bannik.

Keywords: superstitions, oral narratives, bylichka, bannik, devil, mythological character, mythological vocabulary

The author declares no conflict of interest.

For citation: *Shevarenkova Yu. M. Bannik in the modern oral tradition of the Nizhny Novgorod region: mythological and linguistic aspects of the image. Vestnik of the Mari State University, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 128–135. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-1-128-135>*

Домовой, дворовой, банник, леший, русалка, кикимора, черт – традиционные образы мифологической картины мира русской деревни, рассказы о них – неиссякаемая тема отечественной фольклористики и этнолингвистики XIX – XXI веков [2; 5; 10].

Начиная с 60-х гг. XX в. фольклористы и диалектологи Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (до 1991 г. – ГГУ) фиксировали нарративы о суеверных персонажах, обитателях дома/двора человека, различных природных территорий, а также народную терминологию, связанную с их номинацией в локальных традициях нижегородского региона. Собранный за долгие годы материал позволяет видеть картину бытования и структуры устной народной мифологической прозы Нижегородского Поволжья в развитии. Ее наиболее живучим персонажем был и остается домовый: былички о нем чаще всего фигурируют в старых и современных экспедиционных материалах, их сюжетный состав достаточно стабилен, мифологический «портретный» и функциональный облик персонажа со временем упростился, но остался в целом стабильным, а данные диалектологии показывают разнообразие локальных имен домового. Менее частотную группу составляют нарративы о хозяевах отрицательно маркированных в народном восприятии природных территориях (лешем, русалке), обитателях придомового пространства (дворовом, баннике). И последнюю группу представителей «нечисти» составляют «хозяева» мест сушки, обмолачивания и хранения зерновых – это овинник, гуменник; в связи с разрушением традиционного типа одиночных крестьянских хозяйств, переходом колхозной деревни на современные технические средства уборки зер-

новых вера в персонажей, защищающих границы гумна, овина, утратилась быстро и безвозвратно, вместе с ней ушли и диалектные мифонимы, связанные с номинацией этих персонажей.

В 2007 году коллектив кафедры русской литературы ННГУ выпустил научное издание «Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья», в котором были опубликованы былички, записанные с 60-х гг. XX в. вплоть до 2006 года. Самое скромное место в этом сборнике занимал раздел «Банник. Нечистая сила в бане» (всего 27 текстов; для сравнения, рассказов о домовом – 233) [4, с. 55–65]. Данная статья – попытка обрисовать статус и функцию *банника* в картине мира современного деревенского жителя на основе обобщения материалов фольклорных экспедиций ННГУ первых десятилетий XXI века.

В целом следует констатировать, что вопросы о баннике вызывают у современных селян широкий спектр эмоций и реакций: просьбу повторить вопрос, припоминание с последующим отрицательным ответом, недоумение, смех – количество ответов, в результате которых собиратель получает логически и сюжетно оформленный нарратив, в жанровом отношении относимый фольклористами к быличке / бывальщине и построенный на традиционной истории встречи и взаимодействия человека с нечистой силой, резко сократилось. В подавляющем большинстве мы имеем дело с разорванными речевыми высказываниями, в которые рассказчиком сведены скудные данные о поведении, реже – внешнем виде мифологического персонажа, а также немногочисленные правила поведения человека в бане, подаваемые в тексте напрямую в виде запретов / предписаний или опосредованно, через сюжет. Вот пример речевого оформления ответа респондента о баннике

в записи 1976 г. из Ковернинского района: «Гуляли парень с девушкой. И раз поспорили они, чтобы сходил парень-то ночью в 12 часов, сходил в баню и снял с каменки камень. Он пошел, и будто бы его за руку какая-то мохнатая рука схватила. У него разрыв сердца, умер он там, в бане» (Зап. в 1976 г. в д. Чёрные Ковернинского р-на от Ракова Владимира Михайловича, 1929 г. р.)¹. А вот фрагмент из беседы с жителем того же района 2008 г.: «Как-то когда-то в баню пойдешь – нельзя ходить. Там какой-то тоже <смеется – собир.> является. Это еще раньше так говорили» (Зап. в 2008 г. в д. Хохлома Ковернинского р-на от Осиповой Капитолины Петровны, 1927 г. р.). Цитата показательна своей повествовательной неструктурированностью, отсутствием точной информации на вопрос о бане и баннике, а отсылка пожилого рассказчика к некому далекому прошлому и общий смеховой фон высказывания позволяют ему дистанцироваться от предмета речи, смотреть на бывшие разговоры не более как на глупые слухи. «Стремление рассказчика «отстраниться» от традиционного знания и даже скепсис по отношению к последнему может быть средством «самореабилитации» информанта, опасющегося выглянуть «темным человеком» в глазах «просвещенного» собеседника» [8, с. 43].

Слово «банник», привычно используемое фольклористами в качестве номинативной универсалии, воспринимается в современной нижегородской деревне как незнакомое, причем, как в северных его районах, так и в южных. Номинация «банник» является общерусской и в большей степени литературной, в региональных диалектах есть множество самостоятельных названий для лексического обозначения этого героя народной демонологии, чаще всего это производные от корня *бан-* – нарицательные существительные, имена собственные, словосочетания. Но и они все реже фигурируют собирателями. В чистом виде лексема «банник» зафиксирована в Сокольском р-не области, а различные одиночные или составные производные от корня *бан-* встречаются преимущественно в северо-нижегородской традиции: в Ковернинском р-не – банный, в Варнавинском уезде – банный пастырь, банный хозяин [4, с. 39], в Семёновском р-не – банный черт/банные черти. Последняя номинация, как и понимание хозяина

бани как черта/чертей достаточно устойчивы и свидетельствуют о вторичной замене банника на более позднего и универсального персонажа – черта [4, с. 56]. Однообразную картину народной терминологии банника в Нижегородском Заволжье, отражающую его социальный («хозяин, «пастырь») или «нечистый» статус («черт»), дополняют яркие номинации персонажа, зафиксированные в центральных, южных и юго-западных районах области: лешиха (Кулебакский р-н), баба-яга (Княгининский р-н), шутовка (Вадский р-н), молдаванка (Вознесенский р-н) [6, с. 100]. Однако при всей, казалось бы, уникальности этой этнолингвистической терминологии, примеры говорят о совмещении образа банника с другими суеверными персонажами народной демонологии, в результате чего в поздней устной традиции нередко появляются полифункциональные образы. Анализируя нижегородскую мифологическую лексику, Е. Ю. Любова выделяет «внутреннюю» и «внешнюю» полифункциональность персонажей народных суеверий. ««Внутренней» полифункциональностью может обладать персонаж, известный в одной и той же локальной традиции; «внешняя» полифункциональность выявляется в результате сопоставления информации о мифологических образах, которые существуют в разных диалектных микросистемах» [там же]. Так, внутренне полифункциональными оказываются такие образы, как лешиха (в Кулебакском р-не этим словом называют женский персонаж, обитающий и в лесу, и в бане) и молдаванка (в Вознесенском р-не это женский персонаж, обитающий и в воде, и в бане). Примерами нижегородских суеверных персонажей с внешней полифункциональностью являются баба-яга, термин в несказочной мифологической прозе инородный, заимствованный из сказок (в с. Озерки Княгининского р-на это обитательница бани, а в д. Беговатово Арзамасского р-на – водоемов) и шутовка (в д. Балахна Перевозского р-на это дух дома, в с. Новый Мир Вадского р-на – бани, а в с. Сонино Навашинского р-на – воды [там же]). Интересно, что такая полифункциональность наблюдается именно в женских мифологических образах. В любом случае она показывает размывание индивидуального «портретного» облика суеверных героев, утрату ими функциональной дифференциации, потерю привязки к своему единственному «домашнему локусу», а в итоге – наслаение персонажей друг

¹ Здесь и далее цитируются материалы фольклорного архива ННГУ им. Н. И. Лобачевского.

на друга, переход их из мужской ипостаси в женскую. Кроме того, наличие имени персонажа еще не означает наличия в устной локальной традиции полноценных рассказов о нем.

Образ мифологического хозяина бани не может рассматриваться вне контекста бани как традиционной составляющей бытовой и фольклорной культуры крестьянства: символика бани строится на пересечении ее положительной бытовой и медицинской функций и ее негативной коннотации как топоса страшного, опасного, связанного с пребыванием нечисти и способностью этой нечисти негативно влиять на жизнь человека [5, с. 26–94]. В нижегородских нарративах о баннике, записанных во второй половине XX в., набор связанных с ним сюжетов невелик, но четко очертим: это рассказы о том, как он пугает людей в бане, моется ночью в закрытой бане, рассказы с сюжетом «невеста из бани» (в регионе сюжет практически не фиксируется с 80-ых гг. XX в.), рассказы о наказании человека за мытье в бане в «неурочный» час, рассказы о колдовстве в бане. Однако уже с далекой эпохой «стариков» ассоциируется у рассказчиков обрядовая баня невесты накануне венчания, элементы родильной и похоронной обрядности, приуроченные к бане. Редки в копилке собирателя и рассказы о колдовстве, осуществляемом в бане. Современные респонденты вспоминают баню преимущественно как место страшных, но забавных молодежных святочных гаданий: «В бане у нас, если мохнатой рукой цапнет, то богатый будет, а голой, то бедный» (Зап. в 2007 г. в с. Лопатино Вадского р-на от Савёнковой Анны Тимофеевны, 1918 г. р.); «Вот это в бане, в полночь насыпать, взять золы. И богатый, так и след от сапога, а бедный – от лаптя. Потом девка, девчонка, идет там и смотрит. Насыпать возле бани так, чтоб насыпать сильней-сильней и загадать, какой будет жених» (Зап. в 2012 г. в р. п. Тоншаево от Виноградовой Серафимы Павловны, 1930 г. р.); «Хомут вот, хомут, раньше лошадей запрягали, и вот в бане это ворожили. В этот хомут там какой-то то ли читали приговор, и в этом хомуте показывался жених. У нас-то мамка говорила, что папку увидела» (Зап. в 2011 г. в с. Гагаринское Тоншаевского р-на от Хлыбовой Анны Филипповны, 1930 г. р.). В то же время живы запреты на посещение бани в воскресенье и церковные праздники: «В воскресенье ли какой в праздник в баню сходишь, дак, как говорит, смолой вымоешься. А я вот бывала.

Баня не своя: когда истопят, тогда идешь уж. Вот, ту прошлую субботу был Иван Грозный, дак тоже ходила в баню. Истопили, дак че, не своя баня – каменка упала в банник» (Зап. в 2011 г. в д. Вякшенер Тоншаевского р-на от Степановой Варвары Ивановны, 1927 г. р.).

Нередко в нарративах о бане отсутствует и отсылка к баннику, и его номинация, тогда акцент в рассказе смещается в сторону самого опасного локуса, а содержание рассказа приобретает вид запрета или предписания: «В баню тоже надо с молитвой, с молитвой надо всегда ходить. Никто никакой тогда не возьмет» (Зап. в 2008 г. в д. Сёмино Ковернинского р-на от Мариной Марии Ефимовны, 1928 г. р.); «В бане если умирает человек, то за него молиться Богу нельзя – умер в бане» (Зап. в 2008 г., д. Сухая Хохлома Ковернинского р-на от Севрюгиной Анастасии Федоровны, 1936 г. р.); «И почему-то нельзя было вот крестик, надо было снимать крестик, когда идешь в баню» (Зап. в 2020 г. д. Вязьянка Спасского р-на от Чупровой Натальи Михайловны, 1950 г. р.). Однако в современной деревне баня уже утратила семантику демонического топоса, истории о «страшной» бане малочисленны, рассказчик соотносит их с собственным детством или с чужой «давней» историей; кроме того, современный рассказчик, во многом обладающий саморефлексией, скепсисом и иронией к «старым» суевериям, нередко рационально объясняет свои или чужие страхи бытовыми причинами (раньше в бане не было электрического освещения, ее топили «по-черному», ходили к нее в темное время), родительскими установками (домовой, банник, русалка часто выступали героями детских пугалок) и детской впечатлительностью: «Он всё пугает: «Пооди, пооди, пооди!». Вон, в бане он живет. Пугали ребятишек!» (Зап. в 2020 г. в Высокий Осёлок Спасского р-на от Любимовой Веры Степановны, 1919 г. р.); «Бани далёко у нас были. Они у нас там, на задах были. Мы боялись туда ходить. Там снегу было много» (Зап. 2007 г. в с. Неверово Лысковского р-на от Тюриной Софьи Владимировны, 1936 г. р.). В целом мифология бани – предмет воспоминаний; современная же баня, оставаясь в бытовом смысле местом опасным (в ней можно перегреться, обжечься), уже не несет в себе негативного окраса: «Боялись, боялись в бане, вот ночью особенно. Ночью вообще сейчас ходят, не разбираются. Раньше как-то, это самое, трусили ходить в баню ночью:

что-то покажется, что-то чего-то» (Зап. в 2008 г. в р. п. Тоншаево от Смирновой Софии Павловны, 1921 г. р.); «Банник? Не знаю это. Приходим в баню и моемси... Вон старых-старых надо, они вот вам расскажут. А мы не очень ведь эти годато захватили. У нас стары были, они умерли» (Зап. в 2004 г. в с. Бутаково Вознесенского р-на от Дивеевой Марьи Васильевны, 1918 г. р.). Зачастую только редкая диалектная номинация «хозяина» бани (банний черт, баба-яга) вскрывает негативную мифологическую природу места.

Былички всегда служили исследователям источником народных представлений о демоническом хозяине определенного локуса, однако современные рассказы о баннике оказываются крайне малоинформативны. В целом можно констатировать, что за последние десятилетия этот персонаж растерял свой специфический внешний и функциональный облик. Банник в записях второй половины XX в. обладал ярко выраженными зооморфно-антропоморфными чертами (рассказчики отмечали наличие у него рогов и копыт, человеческого облика и мужской одежды) [4, с. 55–66]. В нарративах первых двух десятилетий XX в. возобладал нулевой портрет персонажа: он мыслится существом невидимым, бесплотным. Указания на его зооморфный (кошачий) облик крайне редки, образ банника-животного детально не раскрывается: «А банника, говорят, в виде кота видят обычно» (Зап. в 2010 г. в д. Низовка Спасского р-на от Качановой Риммы Михайловны, 1937 г. р.). А вот антропоморфный облик банника имплицитно воссоздается исключительно из рассказов о святочных гаданиях, нацеленных на ожидание физического (визуального, тактильного) контакта с хозяином бани и получение знания о своем будущем (см. тексты выше): материальными знаками его присутствия становятся следы от его человеческой обуви – сапог/лаптей на снегу, прикосновения к человеку его мохнатой/голой руки: банник остается невидимым, но осязаемым.

Нулевая внешность персонажа сохраняется и в том случае, когда баня мыслится населенной чертями/чертом или нечистой силой – образом предельно обобщенным и абстрактным: «Говорили, в бане оставаться ночью одному – ой, там все бесы, все черти! Говорили все время: баня – это страшное помещение. Это по-старинному. Ну, а сейчас баня-то чистая, сейчас бани бояться не надо» (Зап. в 2009 г. в. Глухово Дивеевского р-

на от Юриной Екатерины Ивановны, 1928 г. р.); «У нас говорили, что черти в бане живут, когда люди там не моются» (Зап. в 2009 г. г. Саров от Тесёлкиной Анны Васильевны, 1940 г. р.). «В нижегородской традиции черт является существом, как бы дублирующим других «нечистых» персонажей» [4, с. 108]: он начинает подменять собой домового, лешего, русалку, в мифологическом смысле осваивать их территорию. В быличках, записанных фольклористами ННГУ во второй половине XX в., проскальзывают смешанные «портретные» антропоморфные и зооморфные детали облика черта (черный цвет, рога, копыта, шерсть, человеческая фигура и одежда) – штрихи, в целом характерные как для данного фольклорного персонажа в иных региональных традициях [9], так и для черта как героя письменной и визуальной христианской культуры. Кроме того, черт мыслится как обладающий способностью принимать чужие личины (обычного мужика, умершего супруга, огненного шара), его локация – проселочная дорога, поле, печная труба. С ним связан и круг однотипных сюжетов и представлений: он летает через печную трубу к вдовам в виде огненного снопа/шара; в образе мужика с гармонью или веселой компании сбивает позднего или нетрезвого путника с пути и заманивает в гиблое место; видится человеку в виде нетипичных предметов (колеса, конского копыта, тени) в природной среде; приходит к молодежи на посиделки [4, с. 106–140]. Именно многоликость черта как персонажа быличек делает его легкой, универсальной заменой и других героев мифологической прозы [3, с. 143–144; 7, с. 148]. В поздних нижегородских нарративах данный персонаж утрачивает детали характерного визуального облика. Закрепление за хозяином бани номинации черт/бес/черти есть своего рода апелляция рассказчика к неким готовым страшным визуальным образам (например, иконописным, книжным), которые слушатель считает без каких-либо пояснений со стороны повествователя. Устойчивый визуальный образ черта, сформировавшийся в сознании русского человека за долгие века существования христианской культуры, даже в быличках сделал описание его внешности избыточным.

Следующий рассказ в полной мере иллюстрирует двойственный образ банника-черта, в котором совмещаются признаки единичности и множественности, устрашения и шутовства: «Идешь

в баню: «Банний, выйди!». Банний выйдет, а ты заходишь, спишь. <Кто выходит? Банний?> Да! Дьявол выходит, а то, говорит, нет, не пушу. Вот и все, пошел дальше в другую баню. А я в Разьезде-то жила, и мы пошли с мужиком в баню. И вот в предбаннике у нас пляшут, пляшут. <...> Вот нас бесы-те напугали, а у нас у обоих ума-то нет! Прибежали, а мама и говорит: «Пойдемте, пойдемте, я в предбаннике постою, а вы мойте-ся» (Зап. в 2006 г. в с. Пахутино Тонкинско-го р-на от Шумиловой Анастасии Николаевны, 1921 г. р.). «Банний» в рассказе – это «дьявол», хозяин своей территории, он не пускает в баню человека («говорит, нет, не пушу»), хотя его самого можно прогнать («Банний, выйди!»); в то же время баня – место, где «пляшут» и пугают бесы («вот нас бесы-те напугали!»). Использование неопределенно-личного глагола («пляшут») делает неназванного субъекта действия загадочным. Кроме того, сюжетный рассказ о баннике нередко заменяется краткой фразой «в бане что-то кажется», и сам глагол «казаться», синонимичный глаголам «привидеться», «мерещиться», «чудиться», подчеркивает неявную и неявленную визуальную и физическую природу хозяина бани, а также закладывает в это слово элемент человеческой ошибки, подмены истинного на что-то ложное. Интересно, что эти же глаголы нередко используются в рассказах о так называемых проклятых и нечистых местах: «что-то кажется» на перекрестках, на кладбище, на месте гибели человека. В редких примерах образ банных чертей приобретает сниженную юмористическую коннотацию: «Черти живут в банях! Есть частушка-песня: «Эх, черти табак толкли – угорели! Под парок легли, полежали, да очухались, побежали!»» (Зап. в 2008 г. в д. Ширта Тоншаевского р-на от Ходькиной Алевтины Павловны, 1928 г. р.). В пересказанной частушке уже не человек жертва козней чертей, они сами становятся комической жертвой бани.

Таким образом, совмещение двух персонажей народной демонологии, банника и черта, в итоге не добавляет новых штрихов в портретно-функциональный облик банного хозяина, а,

наоборот, размывает его. Локализованный в замкнутое пространство бани, черт, самостоятельный и яркий персонаж устных рассказов, уже утрачивает свои демонические внешние черты, свою многоликость и способность перемещаться в деревенском пространстве и уступает место безликому и безобразному множеству банных чертей. Наложение образов банника и других мифологических персонажей русского фольклора (домового и черта, лешего и черта, водяного и черта), равно как и слияние других персонажей народной демонологии (домового и банника), характеризует процесс угасания мифологической традиции в целом.

Традиционная баня – сакральный и символический топос, аккумулирующий в себе мифологию, элементы календарной и семейной обрядности, приметы и суеверия, запреты и предписания. Однако следует признать, что даже на селе «баня давно пережила десакрализацию и перестала восприниматься как место перерождения человека, его духовной и физической сущности, место соприкосновения с иным миром» [1, с. 200]. В настоящее время деревенская баня под активным влиянием городской культуры меняет свой прежний статус, вид и функциональную нагрузку: она осовременивается снаружи и внутри, становится благоустроенной частью приусадебной территории, а главное – местом семейного отдыха и коммуникации. Сакральное и страшное пространство становится местом оздоровления и радости. Уход традиционной материальной культуры села, прерывание фольклорной коммуникации от поколения к поколению привело в том числе и к стиранию суеверной мифологии бани: информация о банном «хозяине» стала осколочной, перешла в немногочисленные поверья и воспоминания о страшных историях из прошлого, образ банника стал восприниматься в ироничном ключе и забываться, а сам банник утратил свой индивидуальный портретный и звуковой облик, соединившись с вечным и вездесущим образом фольклора – черта, беса, нечистой силы.

1. Бурцева И. А. Праздничная культура современного горожанина: баня как праздничный локус // Наука XXI века: проблемы, поиски, решения : материалы XLVI научно-практической конференции. Челябинск, 2022. С. 200–204. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49715017> (дата обращения: 03.10.2022).

2. Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. М. : Индрик, 2000. 432 с.

3. Гранова М. А. Номинации домового и банника в ареальном аспекте (по данным русских мифологических текстов Пермского края) // Социо- и психолингвистические исследования. 2021. № 9. С. 140–150. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47439670> (дата обращения: 19.10.2022).
4. Корепова К. Е., Храмова Н. Б., Шеваренкова Ю. М. Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья. СПб. : Троянова Тропа, 2007. 495 с.
5. Криничная Н. А. Русская мифология. Мир образов фольклора. М. : Академический проект : Гаудеамус, 2004. 1008 с.
6. Любова Е. Ю. Мифологическая лексика в говорах Нижегородской области // Современный научный потенциал и перспективные направления теоретических и практических аспектов : сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции. СПб. : Культ-информ-пресс, 2017. С. 90–101. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28393790> (дата обращения: 11.10.2022).
7. Межевая Д. А. Домовой в мифологической традиции Красновишерского района Пермского края // Социо- и психологические исследования. 2019. № 7. С. 145–151. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41489939> (дата обращения: 27.09.2022).
8. Плошук Г. И. Мифологические рассказы и поверья псковско-белорусского пограничья о водяном (по материалам фольклорного архива Псковского государственного университета и картотеки АПК-ЛАРНГ) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2019. № 9. С. 36–45. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42754710> (дата обращения: 15.11.2022).
9. Плошук Г. И. Мифологема черт (на материале мифологических рассказов и поверий псковско-белорусского пограничья) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2021. № 12. С. 22–33. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47348644> (дата обращения: 15.11.2022).
10. Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М. : Наука, 1975. 194 с.

Статья поступила в редакцию 18.01.2023 г.; одобрена после рецензирования 10.02.2023 г.; принята к публикации 09.03.2023 г.

Об авторе

Шеваренкова Юлия Михайловна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского (603090, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37), shevarenkova@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Burtseva I. A. Prazdnichnaya kul'tura sovremennogo gorozhanina: banya kak prazdnichnyi lokus [Festive culture of a modern citizen: a bathhouse like a festive locus]. *Nauka XXI veka: problemy, poiski, resheniya: materialy XLVI nauchno-prakticheskoi konferentsii* = Science of the 21st century: problems, searches, solutions: materials of the XLVI Scientific and practical conference, Chelyabinsk, 2022, pp. 200–204. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49715017> (accessed 03.10.2022). (In Russ.).
2. Vinogradova L. N. Narodnaya demonologiya i miforitual'naya traditsiya slavyan [Folk demonology and mythological and ritual tradition of the Slavs]. М., Indrik Publ., 2000. 432 p. (In Russ.).
3. Granova M. A. Nominatsii domovogo i bannika v areal'nom aspekte (po dannym russkikh mifologicheskikh tekstov Permskogo kraja) [Nominations of the bathhouse boggart and the house boggart in areal aspect (based on Russian mythological texts from the Perm region)]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* = Socio- and Psycholinguistic Studies, 2021, no. 9, pp. 140–150. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47439670> (accessed 19.10.2022). (In Russ.).
4. Korepova K. E., Khramova N. B., Shevarenkova Yu. M. Mifologicheskie rasskazy i pover'ya Nizhegorodskogo Povolzh'ya [Mythological stories and beliefs of the Nizhny Novgorod Volga region]. СПб., Troyanova Tropa Publ., 2007, 495 p. (In Russ.).
5. Krinichnaya N. A. Russkaya mifologiya. Mir obrazov fol'klora [Russian mythology. The world of images of folklore]. М., Academic project: Gaudeamus Publ., 2004, 1008 p. (In Russ.).
6. Lyubova E. Yu. Mifologicheskaya leksika v govorakh Nizhegorodskoi oblasti [Mythological vocabulary in the dialects of the Nizhny Novgorod region]. *Sovremnyi nauchnyi potentsial i perspektivnye napravleniya teoreticheskikh i prakticheskikh aspektov : sbornik nauchnykh statei po itogam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* = Modern scientific potential and promising areas of theoretical and practical aspects: Collection of scientific articles following the results of the International scientific and practical conference, СПб., Cult-inform-press, 2017, pp. 90–101. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28393790> (accessed 11.10.2022). (In Russ.).
7. Mezhevaya D. A. Domovoi v mifologicheskoi traditsii Krasnovisherskogo raiona Permskogo kraja [The boggart in mythological tradition of Krasnovishersky district of Perm Krai]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* = Socio- and Psycholinguistic Studies, 2019, no. 7, pp. 145–151. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41489939> (accessed 27.09.2022). (In Russ.).

8. Ploshchuk G. I. Mifologicheskie rasskazy i pover'ya pskovsko-belorusskogo pogranich'ya o vodyanom (po materialam fol'klornogo arkhiva Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta i kartoteki APK-LARNG) [Pskov-Belorussian borderland mythological stories and legends of the merman]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* = Bulletin of Pskov State University. Series: Social and Humanitarian Sciences, 2019, no. 9, pp. 36–45. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42754710> (accessed 15.11.2022). (In Russ.).

9. Ploshchuk G. I. Mifologema chert (na materiale mifologicheskikh rasskazov i poverii pskovsko-belorusskogo pogranich'ya) [Mythologeme of the devil (on the materials of the mythological stories and beliefs of the Pskov-Belarusian borderland)]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* = Bulletin of Pskov State University. Series: Social and Humanitarian Sciences, 2021, no. 12, pp. 22–33. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47348644> (accessed 15.11.2022). (In Russ.).

10. Pomerantseva E. V. Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klore [Mythological characters in Russian folklore]. M., 1975, 194 p. (In Russ.).

The article was submitted 18.01.2023; approved after reviewing 10.02.2023; accepted for publication 09.03.2023.

About the author

Yuliya M. Shevarenkova

Ph. D. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Literature, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (37 B. Pokrovskaya St., Nizhny Novgorod 603090, Russian Federation), shevarenkova@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.